

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

*как фактор минимизации рисков
социокультурных трансформаций*

Современное познание трактует общество как сложную систему, функционирующую в единстве ее основных составляющих: экономической, политической, культурной и социальной. В процессе исторического прогресса оно трансформируется посредством глобальных технологических революций, кардинально влияющих на структуру используемых ресурсов и способы производства материальных и нематериальных благ. В соответствии с периодизацией, сложившейся еще в классическую эпоху, в зависимости от преобладающего типа хозяйствования принято выделять три основные вехи, связанные с кардинальными переворотами в архитектуре ресурсов и типе труда: неолитическая, или аграрная, революция, произошедшая около 10 тыс. лет назад; промышленная XV–XIX вв.; научно-техническая второй половины XX в.

Юлия Деделко,

заместитель декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доцент кафедры философии и методологии науки, кандидат философских наук

В настоящее время возможно вести речь о наступлении четвертой промышленной революции, связанной с динамичным развитием информационных технологий постиндустриального периода и цифровой экономики [1–4]. Исследователи также выделяют последовательно сменяющиеся технологические уклады, представляющие замкнутые циклы общественного воспроизводства: от специфики типов и способов добычи ресурсов до потребления готовой продукции, где ключевыми факторами выступают технологические инновации и нововведения. Таковых циклов выделяют 6. Последний из них, постиндустриальный технологический порядок, основан на нано-, био-, инфо-, когно- и социоконвергенции (НБИКС-конвергенции) [5]. Переход к каждому подразумевает кардинальные трансформации институциональных систем управления экономикой, обществом и государством.

Происходит это в результате технологического сдвига и характеризуется определенным типом социальных взаимодействий. Преобладающим в архаичных укладах является символический обмен, регулятором социально-экономической жизни выступают социальные, культурные,

религиозные нормы и неформальные институты, транслирующиеся посредством традиции. Для аграрного традиционного общества характерен ценностно-рациональный тип действия. Развитие индустриального капиталистического строя сопровождалось значительными изменениями в социальной и политической жизни, породило феномены отчуждения, массовизации и индивидуализации, способствовало формированию и распространению целерационального типа действия, по М. Веберу. Изменение характера труда и развитие техники и технологий в индустриальный период содействовали тому, что человек и имманентно присущие ему атрибуты (здоровье, способность к труду, обучению, накоплению опыта) уже в период классической науки трактовались как ресурсы, способствующие росту производительности и приумножению капитала. Кризис индустриального общества, хронологически совпавший с расцветом неклассической рациональности в науке, ознаменовался разработкой концепции человеческого капитала, ставшей окном Овертона в социально-экономических науках и выведшей проблему экономических ресурсов на новый уровень. В контексте трансформации общественного воспроизводства и структуры ресурсов, использования системного подхода и междисциплинарных исследований в науке был расширен спектр коннотаций понятия «капитал» [6].

В период неклассической науки в неоклассической школе экономики получила признание концепция человеческого капитала, ставшая результатом междисциплинарного синтеза с применением экономического, то есть рационального подхода к неэко-

номическим формам поведения людей, являвшимся прерогативой социологии и антропологии. Основатели концепции человеческого капитала Дж. Минсер, Т. Шульц, Г. Беккер сняли табу на введение человеческого фактора в поле экономических исследований и интенсифицировали интерес к различным нематериальным ресурсам. Этому также способствовали кардинальные трансформации западной цивилизации, включавшие третью промышленную революцию (научно-техническую), экспоненциальный прирост научного знания, совершенствование третичного сектора экономики, непреодоленное и сохраняющееся неравенство как внутри развитых стран, так и на мировом пространстве. Постоянно расширяющееся общественное воспроизводство и успешная интеграция в состав капитала личностной составляющей активизировали поиск новых типов ресурсов за пределами материальной ресурсной базы.

Концепт «социальный капитал» был сформулирован американским педагогом и исследователем Л.Дж. Ханифаном еще в начале XX в. [7], но объектом специальных изысканий он стал только в постнеклассический период науки. Несмотря на то, что в экономической теории с начала XX в. исследовалось влияние социокультурных факторов на хозяйственную жизнь, в том числе в институциональной экономике, разработка концепции принадлежит социологии. В работах [8–13] выявлено, что не только человеческий капитал влияет на степень и рост благосостояния как индивидов, так и государств, но и формы взаимодействия, закрепленные в культурных нормах и практиках и передаваемые посредством традиции.

Значительный вклад в трансформацию метафорического понятия «социальный капитал» в образ целостной теоретической концепции внесли исследования антропологов, изучавших сохранившиеся архаичные и традиционные общества, функционировавшие на иных, отличных от капиталистических принципах социально-хозяйственной жизни (Б. Малиновский, М. Мосс, К. Поланьи, П. Бурдьё). Открыв наличие обмена – дарообмена, базирующегося на иных, не целерациональных мотивах, более того, символически скрывающих истинную суть процесса под вуалью сложных социальных, культурных, религиозных, магических взаимодействий, антропологи и социологи выявили их субстанциональность, темпоральность и актуальность в индустриальном и постиндустриальном периодах. Благодаря исследованиям М. Вебера, А. де Токвиля, Б. Малиновского, М. Мосса, П. Бурдьё, Р. Патнэма, Р. Коулмана, Ф. Фукуямы было обозначено, что тонкий «лед» целерациональности, олицетворяющей собой специфику довольно молодого в исторической перспективе капиталистического мира и сопутствующего ему типа мышления, скрывает под собой глубинные механизмы символических социальных взаимодействий, формировавшиеся в ходе тысячелетнего социокультурного развития, сохранившие актуальность и неявно, как им и положено, функционирующие в современном мире.

Концепции социального капитала, оформившейся в период постнеклассической науки, присущи ее черты. Л. Дж. Ханифан рассматривал общины как сложноустроенные системы по аналогии с бизнес-предприятиями, используя в анализе междисци-

плинарный подход и метод перенесения теоретического конструкта из одной дисциплины в другую [7]. Он заимствовал понятие «капитал» для описания феноменов социальной жизни, обладающих, хоть и неочевидной на первый взгляд, продуктивностью и несущих ощутимую финансовую выгоду, что указывает на практико-ориентированность будущего концепта.

Помимо объективных аспектов, действующих в обществе как сверхсложной системе, присутствуют и играют большую роль субъективные факторы, поскольку главным его актором является человек, а ведущим типом отношений – субъект-субъектные взаимосвязи и взаимодействия как предмет исследований концепции социального капитала. Человечество рассматривается как саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, где роль регуляторов выполняют такие элементы, как доверие, нормы, ценности, а сам он обеспечивает слаженное функционирование всех компонентов на различных уровнях (микро-, макро- и мега-).

Последовательное изучение и практический потенциал социального капитала актуализируются в свете интенсивного прогресса в области информационно-коммуникационных технологий, интегрированных в капиталистическую мир-экономику и приведших к появлению новых сетевых уровней организации и трансформации общества. Возникает новый блок управления – информационные гиганты (Meta Platforms, Twitter, Pinterest, Google, Tumblr, Instagram, ВКонтакте и пр.), кроссплатформенные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook Messenger, Skype, ICQ и пр.) и транснацио-

нальные корпорации (ТНК), среди которых в первой десятке по рыночной капитализации лидируют представители технологического сектора и онлайн-торговли (Microsoft, Apple, Amazon, Alphabet, Berkshire Hathaway, Meta Platforms, Alibaba, Tencent и др.). Помимо этого, учитывая степень охвата рынков и возможности влияния на свою аудиторию, ТНК способны формировать новые параметры порядка, типы прямых и обратных связей в общественной структуре и, соответственно, трансформировать социальный капитал.

С развитием информационно-коммуникационных технологий и сетей он приобретает не только новые формы и свойства, но и реальную осязаемость в виде числа подписчиков, их индивидуального и совокупного рейтинга, влияя тем самым на способность обладателей данного цифрового поля – инфлюэнсеров – оказывать определенное воздействие на широкие массы людей, управлять не только их мнением, но и деятельностью. В связи с этим остро стоит вопрос о прогностических и регулятивных возможностях концепции социального капитала и практико-ориентированной реализации существующих теоретических положений.

Ряд исследователей отмечают, что глобальные информационно-коммуникационные сети трансформируют все сферы индивидуальной и общественной жизни, формируя эпоху надзорного капитализма – *surveillance capitalism*, базирующегося на *big data* (больших данных – инструментах, подходах и методах обработки данных для дальнейшего их применения в различных целях), собираемых экосистемами (данный термин используется для обозначения совокупности сервисов

различных цифровых платформ) Apple, Google и Microsoft, а также крупнейшими сетями Meta, X, Pinterest, Tumblr, Instagram и пр. Одно из направлений искусственного интеллекта – машинное обучение – позволяет прогнозировать поисковое поведение пользователей, что становится «сырьевым ресурсом» surveillance-экономики, основным источником монетизации цифровых ТНК и их капитализации, а также формирует у пользователей «тоннель реальности» / «цифровую эхо-камеру» / «пузырь фильтров» в виде персонализированной версии Сети (контекстная реклама, тематическое видео в YouTube, умная лента в Meta и т.д.). Эта тенденция, ведущая к алгоритмизированной самоцензуре пользователей, сужению и догматизации мировоззрения, росту трайбализма и расизма, ксенофобии и национализма, расцвету конспирологии, подавления, коррозии либерально-демократических ценностей, активизации оппозиционных движений и разнообразных форм розни и конфликтов, в итоге способствует порождению негативного социального капитала [14–16].

Сфера влияния IT-корпораций и соцсетей в глобальных политических процессах значительно шире, чем у традиционных СМИ и государственных институтов. Недооценка данного факта политическими элитами чревата конфликтом между традиционными правительствами и технологическими либертарианцами. Исследования политического активизма в Сети и «твиттерных революций» выявили, что социальные медиа и интернет-технологии позволяют мобилизовать и выводить на протестные акции десятки тысяч людей, координировать их действия и организовывать противостояние служ-

бам государственной внутренней безопасности, а также обеспечивать протестующих агитационной, финансовой и материальной базой. Традиционные методы противостояния таким протестным движениям, включающие силовой разгон или блокировку доступа к Интернету, оказываются малоэффективными и негативно влияют как на имидж официальной власти, так и на существующий порядок. Однако неумелое использование технологий сетевыми революционерами оборачивается против них, поскольку молниеносная, ориентированная на нерелексивный психоэмоциональный отклик мобилизация огромного количества людей позволяет реализовывать только краткосрочные цели в условиях отсутствия долгосрочных стратегий, легитимных лидеров и координаторов, что заведомо приводит к проигрышу [16].

Еще одним следствием четвертой промышленной, информационной революции стало то, что цифровые платформы, соцсети и кроссплатформенные мессенджеры дали социальному капиталу осязаемую возможность объективироваться, институционализироваться, инкорпорироваться и конвертироваться в другие типы капитала путем создания рейтинга, аккумулирующего базы данных экономических транзакций актора, истории его правонарушений, круга фолловеров и пр. Большие данные о пользователях цифровых экосистем и соцсетей в США и странах Западной Европы задействуются ТНК преимущественно в коммерческих интересах для изучения рынка, составления портрета целевой аудитории какого-либо товара или услуги, разработки и продвижения таргетированной рекламы и пр. Опыт современной КНР демонстрирует

возможности сегодняшних технологий в формировании нового социального уклада.

Попытки создания системы кредитного рейтинга в КНР ведутся с 1990-х гг., когда Китайской академией наук была представлена базовая концепция, однако отсутствовал технологический базис ее воплощения. Развитие цифровых технологий и расширение доступа к сети Интернет, обеспечиваемого государственными корпорациями China Telecom и China Netcom, сделали возможным осуществление проекта социального кредита, который реализуется с 2010 г. Два крупнейших в стране цифровых игрока – Alibaba Group и Tencent, используя большие данные аудитории своих пользователей, создали базис для разработки и внедрения такой общегосударственной системы с целью учета и оценки репутации людей, компаний и государственных служащих, включающей не только финансовые, политические, юридические и социальные кредитные рейтинги граждан, но также биометрические параметры и данные видеонаблюдения в единую комплексную оценку надежности, основанной на доверии как ключевой ценности. В данной доктрине снижение доверия в одной сфере влечет падение общего рейтинга. Социально значимая цель программы – предоставление доступа к финансовой сфере широким слоям населения и поощрение добродетельных граждан. Конечной целью выступает закрепление определенных поведенческих паттернов у населения в различных сферах – от экологической до политической – путем неявного принуждения и поощрения людей с высоким рейтингом различными экономическими и социальными

преимуществами в виде привилегий и бонусов. Такой образ жизни выстраивается на традициях коллективизма, солидаризма, поощрения социально полезной деятельности, что отражает стремление к безопасности и стабильности. Реализуется подход вынесением штрафных баллов, снижением рейтинга за антисоциальное поведение, а ключевая ценность и цель – формирование доверия как основополагающего принципа функционирования нации. Это пример попытки формирования социального капитала нации в трех состояниях: инкорпорированном (воспитание граждан согласно традиционным ценностям коллективизма, солидаризма, патернализма, поддержание и соблюдение общественных иерархий и усвоение индивидами норм, способствующих росту уровня доверия и альтруистическому поведению); объективированном (количество баллов в рейтинге и возможность их конвертации в иные материальные и нематериальные блага); институционализированном (формирование и маркирование групп согласно рейтингу) [17].

В настоящее время мы также наблюдаем качественную трансформацию сложившейся структурной иерархии элементов сложной саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, появление новых сетевых уровней организации, порождающих иные уровни и параметры порядка, типы прямых и обратных связей, ведущих к новой целостности, изменению процессов саморегуляции и перестроению блока управления, что требует вовлечения в круг обсуждаемых проблем социального капитала экспертов как в науке, так и во всех областях, а также общественности. Данные изменения, став-

шие результатом информационной революции и внедрения технологических инноваций во все сферы жизнедеятельности, можно считать определенным фазовым переходом (НБИКС-конвергенцией), сопровождающимся возникновением целого спектра направлений совершенствования многоуровневого устройства, объединяющего человека, общество, культуру, технико-технологическую среду и сложные информационно-коммуникационные компьютерные сети. Развитая IT-сфера и соцсети стали своеобразным аттрактором, ведущим

человечество по новому пути. Будучи результатом технико-технологической революции, они способствовали возникновению феноменов, оказывающих обратное воздействие на социальную систему.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что дальнейшие продуктивные исследования социального капитала возможны только в рамках комплексной программы с участием специалистов различных сфер научного знания, экспертов и граждан с учетом широкого спектра целей и задач. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М., 2018.
2. Гуторович О.В. Четвертая промышленная революция и ее возможные последствия // ДИСКУРС. Филос. науки. 2018. №6. С. 11–17.
3. Нуреев Р.М. Цифровые технологии: четвертая промышленная революция? // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: X юбилейные Санкт-Петербургские социолог. чтения, Санкт-Петербург, 13–14 апр. 2018 г. – СПб., 2018. С. 89–93.
4. Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций / Всемирный экономический форум // https://www3.weforum.org/docs/WEF_Четвертая_промышленная%20революция.pdf.
5. Жолобова Ю.В. НБИКС-технологии и проблема антропологической эволюции / Ю.В. Жолобова, Е.А. Счастливец // Вестник ВятГУ. Философские науки. 2020. №3. С. 7–19.
6. Дедолко Ю.В. Трансформация концепта «капитал» в контексте различных типов рациональности / Ю.В. Дедолко // Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: в 3 т.: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 апр. 2021 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2021. Т. 1. С. 236–240.
7. Hanifan L.J. State supervisor of rural schools // The Annals of the Amer. Acad. of Polit. a. Soc. Science. 1916. Vol. 67: New Possibilities in Education // http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents.
8. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, №5 // https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
9. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. – М., 2001.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.
11. Putnam R.D. Social capital: measurement and consequences // Isuma: Canad. j. of policy research. 2001. №2. P. 41–51.
12. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №4. С. 77–86.
13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М., 2004.
14. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Э. Паризер. – М., 2012.
15. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М., 2022.
16. Tufekci Z. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square / Z. Tufekci, C. Wilson // Journal of Communication. 2021. Vol. 62, №2. P. 363–379.
17. Дедолко Ю.В. Социальный капитал в системе социального кредитования: опыт КНР // Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности: материалы XV Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 7–8 дек. 2021 г. – Минск, 2021. С. 102–110.